

УДК 343

DOI 10.17223/22253513/16/10

Т.В. Непомнящая

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОТВОРЧЕСТВА И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Статья посвящена формам реализации современной российской уголовной политики – правотворчеству и правоприменению. Автор рассматривает примеры несоответствия законотворческого процесса в сфере уголовного права правоприменительной практике.

Ключевые слова: уголовная политика, формы реализации уголовной политики, правотворчество, принципы правотворчества, правоприменение, назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено законом за данное преступление.

Основными формами выражения уголовной политики являются правотворчество и правоприменение.

Правотворчество в сфере уголовного права имеет свои специфические черты, обусловленные предметом и методами регулирования. В частности, непосредственной целью уголовного правотворчества является создание такого уголовного закона, который максимально отражал бы состояние и потребности общества и был бы способен эффективно воздействовать на регулируемые им общественные отношения. Культура и уровень законотворческого процесса, а соответственно, и качество принимаемых нормативно-правовых актов – это показатель цивилизованности общества и демократичности государства [1. С. 39].

Правоприменение, в свою очередь, означает деятельность правоохранительных органов по применению на практике положений уголовного закона.

Поскольку правотворчество и правоприменение – это две формы реализации единого процесса – уголовной политики, они должны пересекаться: принятые нормы должны применяться на практике. Но анализ законодательной практики последних лет наводит на мысль, что законотворчество и правоприменение в сфере уголовного права идут параллельными путями, которые, как известно, никогда не пересекаются.

С одной стороны, в последние годы в уголовном законодательстве появилось немало примеров явного, совершенно очевидного несоответствия правовых норм элементарному здравому смыслу. Чего стоит только указание ст. 54 УК РФ о неназначении ареста лицам, не достигшим к моменту вынесения судом приговора шестнадцатилетнего возраста, которое законодатель «забывал» исключить из Уголовного кодекса на протяжении пяти лет, поскольку уже с момента принятия Федерального закона о внесении изменений в Уголовный кодекс РФ от 27.12.2009 № 377-ФЗ арест вообще исключен из системы наказаний для несовершеннолетних. И лишь с принятием Федерального закона от 24.11.2014 № 371-ФЗ «О внесении изменений в ст. 54 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 69 и 72 Уголовно-

исполнительного кодекса Российской Федерации» в ч. 2 ст. 54 слово «шестнадцатилетнего» было заменено словом «восемнадцатилетнего».

С другой стороны, можно привести очень много примеров вновь принятых норм УК РФ, которые не воспринимаются практикой: норма закреплена в законе, но практика, вынужденная нивелировать ее, развивается своим путем.

Представляется, что в законотворческой деятельности законодатель должен основываться на определенных общих принципах – основополагающих идеях, реализация которых обеспечивает качество и эффективность всей системы права. Основными принципами законотворческого процесса выступают следующие исходные положения.

Во-первых, это *научный характер законотворчества и его связь с правоприменительной практикой*. Принцип научности выражается в использовании достижений науки, приемов и методов научного анализа в законотворческом процессе. Во многом это зависит от высокого профессионализма и компетентности тех, кто занят разработкой и научной экспертизой законопроектов.

При разработке новых нормативно-правовых актов законодатель должен определить, какие юридические нормы необходимы для новых условий и как они будут действовать. А для этого нужна четкая научно обоснованная политика в области законодательного процесса, которая могла бы своевременно выявить недостатки существующей нормативно-правовой базы, избежать просчетов в процессе дальнейшей законодательной деятельности.

При этом законодательная деятельность государства должна быть тесно связана с правоприменительной практикой. Именно она дает возможность судить о качестве и эффективности принятых нормативно-правовых актов, информирует о необходимости их изменения или отмены.

Во-вторых, *принцип демократизма*, который проявляется в демократической процедуре разработки и принятия нормативно-правовых актов представительными органами государственной власти. В частности, этот принцип предполагает учет общественного мнения при разработке законов.

В-третьих, в процессе законотворчества должен соблюдаться *принцип системности*, который предусматривает внутреннюю логику всей системы юридических норм.

Но отвечает ли современный правотворческий процесс в области уголовного права этим принципам?

За период действия Уголовного кодекса РФ с 1 января 1997 г. (по состоянию на 1 ноября 2014 г.) издано 156 федеральных законов, которыми в Кодекс внесены существенные изменения и дополнения, причем большинство из них – в последние годы. Так, если за первые 10 лет действия УК РФ было принято 43 таких федеральных закона, то только за 2011 г. – 12, за 2012 г. – 14, а за 2013 г. – 20. Периодичность, с которой законодатель вносит изменения в УК РФ, а также масштабы этих изменений поражают воображение и не могут не вызвать сожаление о том Уголовном кодексе, который был принят в 1996 г. и из первоначально цельного и системного акта, по меткому выражению профессора А.И. Коробеева, «превратился в некое подобие лоскутного одеяла» [2].

Не переставая менять весь уголовный закон, наш законодатель плотно принялся за реформирование в системе уголовных наказаний: из 50 федеральных законов, принятых только в течение последних трёх лет (2012–2014 гг.), 31 в той или иной степени затронул изменения в системе и видах наказаний.

Каковы же примеры явного несоответствия законотворческого процесса в сфере уголовного права и правоприменительной практики, когда судьи вынуждены нивелировать непродуманные, научно не обоснованные нормы УК РФ? Примеров этих, на наш взгляд, очень много. Рассмотрим лишь некоторые из них.

В последние годы, несмотря на общую тенденцию к либерализации уголовно-правовой политики и карательной практики, законодателем серьезно усилено наказание за отдельные виды преступлений.

В первую очередь это касается преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних (ст. 131–134 УК РФ): в 2009–2012 гг. принят ряд федеральных законов о внесении изменений в УК РФ, в частности, в санкциях этих составов увеличены сроки лишения свободы, в отдельные санкции введено пожизненное лишение свободы. При этом обращает на себя внимание тот факт, что в отдельных случаях нижний предел этих санкций выше санкции, предусматривающей наказание за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах. Так, например, в санкции ч. 6 ст. 134 УК РФ за половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, достигшим двенадцатилетнего возраста, но не достигшим четырнадцатилетнего возраста, законодателем установлено *от 15 до 20 лет* лишения свободы, а по ч. 2 ст. 105 за убийство при отягчающих обстоятельствах – *от 8 до 20 лет*!

Несмотря на то, что до этого законодателем пожизненное лишение свободы было установлено за совершение особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь, а также против общественной безопасности, назначался судьями данный вид наказания только за убийства при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 105 УК РФ) и террористический акт при особо отягчающих обстоятельствах (ч. 3 ст. 206 УК РФ), т.е. за умышленные посягательства, направленные на лишение жизни другого лица. Так, в 2010 г. пожизненное лишение свободы было назначено 60 осужденным, совершившим убийства при отягчающих обстоятельствах, в 2011 г. – 62 осужденным, 59 из которых совершили убийство при отягчающих обстоятельствах, и 3 – террористический акт при особо отягчающих обстоятельствах, в 2012 г. – 66 осужденным, 55 из которых совершили убийство при отягчающих обстоятельствах, в 2013 г. – 67 осужденным, 58 из которых совершили убийство при отягчающих обстоятельствах, и 4 – террористический акт при особо отягчающих обстоятельствах [3–6].

Конечно, ужесточать уголовно-правовые средства борьбы с сексуальными посягательствами против малолетних лиц нужно. Однако возникает вопрос: можно ли сравнивать в плане характера и степени общественной опасности сексуальное насилие в отношении малолетней жертвы и, например, квалифицированное убийство и акты терроризма (все эти преступления караются вплоть до пожизненного лишения свободы)? И ответ на этот вопрос, скорее, отрицательный.

Что же касается лишения свободы на определенный срок за совершение рассматриваемых преступлений, то на практике максимальное наказание суды практически не назначают. Так, в частности, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2012 г. всего было осуждено по ч. 4 ст. 132 УК РФ, которая предусматривает наказание от 12 до 20 лет лишения свободы, 369 человек, из них к лишению свободы до 1 года вкл. – 1 осужденный, свыше 1 до 2 лет вкл. – 5, свыше 2 до 3 лет вкл. – 7, свыше 3 до 5 лет вкл. – 22, свыше 5 до 8 лет вкл. – 69, свыше 8 до 10 лет вкл. – 9, свыше 10 до 15 лет вкл. – 246 (67%), свыше 15 до 20 лет вкл. – 10 осужденных (2,7%) [5]. Таким образом, в 30,6% приговоров судами было назначено более мягкое наказание, чем предусмотрено за данное преступление. В 2013 г. существенных изменений в карательной практике не произошло: примерно в каждом третьем случае (29,2%) при назначении наказания за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних суды назначали более мягкое наказание, чем предусмотрено законом (из 737 осужденных – 215) [7].

Таким образом, как мы можем убедиться, серьезное усиление законодателем наказания за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних не повлекло ужесточения карательной практики.

Как уже отмечалось, законодателем было также усилено наказание и за преступления, связанные со взяточничеством. В связи с принятием Федерального закона от 04.05.2011 № 97-ФЗ Уголовный кодекс РФ дополнен положением, в соответствии с которым за коммерческий подкуп, дачу взятки, получение взятки и посредничество во взяточничестве установлены штрафы в размере до 100-кратной суммы коммерческого подкупа или взятки, но не менее 25 000 руб. и не более 500 000 000 руб. Размеры штрафов за указанные преступления стали абсолютно невообразимыми, гигантскими.

Но изучение «кратных» приговоров за взятки также выявило тенденцию к тому, что в абсолютном большинстве случаев суды стараются по возможности назначить либо наказание ниже низшего предела, чем предусмотрено за данное преступление, либо минимальное наказание, предусмотренное санкцией. Нам практически не встретилось ни одного случая назначения судами штрафа не то что в максимальных пределах, предусмотренных законодателем, а даже ближе к середине санкции. Не вызывает сомнений, что это направлено на то, чтобы осужденные могли выплатить назначенный им штраф.

Так, Е., являясь участковым врачом-терапевтом, действуя в нарушение должностной инструкции и Порядка выдачи листов нетрудоспособности, утвержденного Приказом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 29.06.2011 № 624 н, имея доступ к бланкам листов нетрудоспособности, совершил служебный подлог, получив взятку за незаконные действия. Приговором Омского областного суда от 18.04.2012 г. он был осужден, в частности, по ч. 3 ст. 290 УК РФ с применением ст. 64 УК РФ к штрафу в *9-кратном* размере суммы взятки, тогда как санкцией ч. 3 ст. 290 УК РФ за совершение данного преступления предусмотрено наказание, в том числе, в виде штрафа в размере от *сорокакратной до семидесятикратной* суммы взятки [8].

В другом случае по приговору Омского областного суда от 10 сентября 2012 г. Г. осужден по ч. 3 ст. 290 УК РФ с применением ст. 64 УК РФ к штрафу в размере *пятнадцатикратной* суммы взятки, т.е. в сумме 525 000 руб., с рассрочкой его выплаты на 35 месяцев равными частями по 15 000 руб. ежемесячно. Санкцией ч. 3 ст. 290 УК РФ за совершение данного преступления предусмотрено наказание, в том числе, в виде штрафа в размере *от сорокакратной до семидесятикратной* суммы взятки [9].

Наряду с примерами более широкого применения на практике ст. 64 УК РФ, связанной с назначением более мягкого наказания, чем предусмотрено законодателем за совершенное преступление, которая, на наш взгляд, позволяет нивелировать ошибки законодателя, можно привести и другие примеры, свидетельствующие о том, что правоприменительная практика идет вразрез с законодательством.

Так, вследствие принятия Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы» от 27.12.2009 № 377-ФЗ с 10 января 2010 г. в нашей стране стало применяться наказание в виде ограничения свободы, которое задумывалось законодателем как альтернатива лишению свободы. Как отмечается в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г., утвержденной распоряжением Правительства РФ от 14.10.2010 № 1772-р, «рационализация политики в области уголовного правосудия предполагает увеличение к 2020 году общей численности лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией осужденного от общества, на 200 тыс. человек за счет применения ограничения свободы и других видов наказаний, увеличения количества санкций, предусматривающих наказания, не связанные с изоляцией от общества, и расширения практики назначения данных наказаний судами» [10]. По мнению начальника Отдела исполнения уголовно-правовых мер Управления организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, ФСИН РФ Т. Никитиной, высказанному на момент введения этого наказания в 2010 г., «приблизительное количество осужденных к ограничению свободы в 2010 году составит 76 тысяч. В следующем, 2011 г. эта цифра удвоится. В дальнейшем ежегодное количество осужденных к ограничению свободы существенно вряд ли изменится и будет составлять примерно 150–160 тысяч человек» [11]. Но прогнозы не оправдались, и в 2010 г. к ограничению свободы были осуждены 7 893 человека (0,9% от общего числа осужденных в РФ), в 2011 г. – 10 994 человека (1,4% от общего числа осужденных), а в 2012 г. – 25 269 человек (3,4% от общего числа осужденных), в 2013 г. – 32 054 (4,3% от общего числа осужденных) [3–6]. В итоге прошло уже около пяти лет с момента введения в действие наказания в виде ограничения свободы, но пока это наказание не стало реальной альтернативой лишению свободы.

Во многом это связано с тем, что в том виде, в котором ограничение свободы закреплено сейчас в уголовном законодательстве, оно не лишено ряда серьезных недостатков. Во-первых, этот вид наказания весьма сходен с условным осуждением. Во-вторых, характер и объем правоограничений, кото-

рые влечет ограничение свободы, не позволяет этому виду наказания занять то место в системе наказаний, которое ему было отведено изначально. Но законодатель не изменил место ограничения свободы в системе наказаний. Не изменена и последовательность изложения видов наказаний в санкциях статей Особенной части УК РФ, предусматривающих альтернативные ограничения свободы наказания. Таким образом, нарушается принцип построения системы наказаний от менее строгого к более строгому виду наказания. В-третьих, основное содержание наказания в виде ограничения свободы заключается в ряде ограничений. Но все это имеет смысл только при установлении механизма контроля за исполнением этих ограничений.

В ст. 60 УИК РФ предусмотрено право уголовно-исполнительной инспекции для обеспечения надзора использовать аудиовизуальные, электронные и иные технические средства надзора и контроля, перечень которых утвержден Постановлением Правительства РФ от 31 марта 2010 г. В настоящее время Система электронного мониторинга подконтрольных лиц (СЭМПЛ) развернута и функционирует во всех 80 территориальных органах ФСИН России. По данным ФСИН, в 2013 г. электронные браслеты применены лишь в отношении 9 238 осужденных, а в 2014 г. – 15 000 осужденных [12–13].

На наш взгляд, без хорошо отлаженного механизма электронного мониторинга с помощью электронных браслетов наказание в виде ограничения свободы вообще не имеет смысла.

Нами приведены лишь отдельные примеры, свидетельствующие о том, что законотворческий процесс в сфере уголовного права и правоприменительная практика развиваются независимо друг от друга, практика пытается нивелировать ошибки и законодателя.

Почему так происходит? В первую очередь потому, что не соблюдаются принципы законотворчества: в настоящее время в нашей стране нет четкой научно обоснованной политики в области законодательного процесса, которая могла бы своевременно выявить недостатки существующей нормативно-правовой базы, избежать просчетов в процессе дальнейшей законодательной деятельности. Не учитывается общественное мнение при разработке законов. Большинство изменений УК РФ последних лет бессистемно, спорно и противоречиво.

О том, что большинство изменений, внесенных в УК РФ, являются скорее негативными, чем позитивными, в последние годы пишут многие ученые-криминологи. По мнению большинства из них, в ныне действующей редакции Уголовный кодекс РФ утратил качество кодифицированного закона. При этом мнения учёных разделились: одни считают, что необходимо принятие нового Уголовного кодекса РФ, другие пишут о целесообразности новой редакции Кодекса. На наш взгляд, вторая позиция является более предпочтительной. Во многом это связано с тем, что основная концепция этого Кодекса, а именно согласование его положений с международными стандартами, структура, установление приоритетных задач и принципов, не подлежит пересмотру. В основу кодификации уголовного законодательства могут быть положены Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации и Доктрина уголовного права, подготовленные Общественной палатой РФ [14]. Что касается Доктрины уголовного права, то такой опыт нормативного регу-

лирования у нас в стране есть: это и Военная доктрина Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 5 февраля 2010 г. № 146, и Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г., утвержденная Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537, и т.д.

К процессу разработки новой редакции УК РФ необходимо привлекать учёных. Следует подумать и над тем, чтобы вносимые предложения об изменении в УК РФ поступали на рассмотрение Государственной Думы с указанием составителей законопроектов. Такой порядок будет способствовать качеству законопроектов, потому что при нем повышается ответственность тех, чьи имена связываются с будущим законом.

Литература

1. *Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учеб. для вузов* / под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. М.: Статут, 2012.
2. *Коробеев А.И.* Лоскутное одеяло Уголовного кодекса. Чем и когда закончится гиперинфляция правовой политики современной России [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/ng_politics/2013-02-05/14_uk.html (дата обращения: 03.02.2015).
3. *Отчет* о числе привлеченных к уголовной ответственности и мерах уголовного наказания за 12 месяцев 2010 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=836> (дата обращения: 03.02.2015).
4. *Отчет* о числе привлеченных к уголовной ответственности и мерах уголовного наказания за 12 месяцев 2011 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1272> (дата обращения: 03.02.2015).
5. *Отчет* о числе привлеченных к уголовной ответственности и мерах уголовного наказания за 12 месяцев 2012 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1776> (дата обращения: 03.02.2015).
6. *Отчет* о числе привлеченных к уголовной ответственности и мерах уголовного наказания за 12 месяцев 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1272> <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2362> (дата обращения: 03.02.2015).
7. *Отчет* о сроках лишения свободы и размерах штрафов (приложение к отчету формы № 10.3) за 12 месяцев 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2362> (дата обращения: 03.02.2015).
8. *Уголовное дело № 2/26-2012* // Архив Омского областного суда.
9. *Уголовное дело № 2/58-2012* // Архив Омского областного суда.
10. *Распоряжение* Правительства РФ от 14.10.2010 № 1772-п // Собрание законодательства РФ. 2010. № 43. Ст. 5544.
11. *Куликов В.* Наручники по конкурсу // Рос. газета. 2010. 16 апр.
12. *ФСИН:* электронные браслеты для осужденных применяются в 60 регионах [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/society/20120209/561170230.html> (дата обращения: 03.02.2015).
13. *ФСИН* меняет модель электронных браслетов после жалоб Васильевой [Электронный ресурс]. URL: <http://newsland.com/news/detail/id/1405610/> (дата обращения: 03.02.2015).
14. *Концепция* уголовно-правовой политики Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oprf.ru/discussions/newsitem/17889> (дата обращения: 03.02.2015).

Nepomnyashchaya Tatiana V. Omsk State University n.a. F.M. Dostoevskiy (Omsk, Russian Federation). DOI 10.17223/22253513/16/10.

MODERN RUSSIAN CRIMINAL POLICY: THE PROBLEMS OF LAW MAKING AND LAW ENFORCEMENT

Key words: criminal policy, forms of realization of criminal policy, law making, principles of law making, law enforcement, a more lenient sentencing than provided for such crimes in law.

The article deals with such forms of realization of modern Russian criminal policy as law making and law enforcement. The author examines some examples of inconformity between law making in criminal law and law enforcement practice.

Being the forms of the realization of a unified process, law making and law enforcement should intercross: the adopted rules should be used in practice. But a recent analysis of legislation shows that they do not cross with each other. Indeed, over the last years, despite the general tendency to liberalization of criminal policy and punitive practice, legislators have toughened some punishments e.g. for crimes against sexual immunity of juveniles (Article 131-134 of the Criminal Code of the Russian Federation): the terms of imprisonment were increased and life imprisonment was introduced in some cases. But the examination of judicial practice shows that courts do not sentence to a maximum term of imprisonment and life imprisonment. Moreover, in every third case, the courts practiced more lenient sentences for crimes against sexual immunity of juveniles than provided for by law. Thus, we can see that serious punishments for crimes against sexual immunity of juveniles introduced by legislators did not result in toughening of a punitive policy.

Legislators also toughened punishments for crimes connected with bribery by a considerable increase of fines. But the analysis of sentences showed that in the vast majority of cases courts tend to impose the punishments far below a standard one (minimum punishments). No doubt, this is done for the convicts to be able to pay their fines.

The author comes to the conclusion that law making process in criminal law and law enforcement practice are developing independently and practitioners try to mitigate the mistakes of legislators. This can be explained by the lack of a clear scientifically valid legislative policy in our country which could reveal the drawbacks in our current legislative and regulatory framework and get rid of mistakes in future legislative activities. Public opinion is not taken into account in the course of legislating. Most of the latest changes in the Criminal Code of the Russian Federation are systemless, disputable and contradictory.

References

1. Komissarov, B.C., Krylova, N.E. & Tyazhkova, I.M. (eds.) (2012) *Ugolovnoe pravo Rossiyskoy Federatsii. Obshchaya chast.* [Criminal Law of the Russian Federation. The General Part]. Moscow: Statut.
2. Korobeev, A.I. (2013) Loskutnoe odayalo Ugolovnogo kodeksa. Chem i kogda zakonchitsya giperinflatsiya pravovoy politiki sovremennoy Rossii. [The patchwork of the Criminal Code. How and when will the hyperinflation of legal policy in modern Russia finish]. [Online] Available from: http://www.ng.ru/ng_politics/2013-02-05/14_uk.html. (Accessed: 3d February 2015).
3. Russian Federation. Administration of Justice Department. (2010) *Otchet o chisle privilechen-nykh k ugolovnoy otvetstvennosti i merakh ugolovnogo nakazaniya za 12 mesyatsev 2010 g.* [Report on the number of persons who were held criminally liable and penal sanctions for 2010]. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=836>. (Accessed: 3d February 2015).
4. Russian Federation. Administration of Justice Department. (2011) *Otchet o chisle privilechen-nykh k ugolovnoy otvetstvennosti i merakh ugolovnogo nakazaniya za 12 mesyatsev 2011 g.* [Report on the number of persons who were held criminally liable and penal sanctions for 2011]. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1272>. (Accessed: 3d February 2015).
5. Russian Federation. Administration of Justice Department. (2012) *Otchet o chisle privilechen-nykh k ugolovnoy otvetstvennosti i merakh ugolovnogo nakazaniya za 12 mesyatsev 2012 g.* [Report on the number of persons who were held criminally liable and penal sanctions for 2012]. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1776>. (Accessed: 3d February 2015).
6. Russian Federation. Administration of Justice Department. (2013) *Otchet o chisle privilechen-nykh k ugolovnoy otvetstvennosti i merakh ugolovnogo nakazaniya za 12 mesyatsev 2013 g.* [Report on the number of persons who were held criminally liable and penal sanctions for 2013]. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1272><http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2362>. (Accessed: 3d February 2015).
7. Russian Federation. Administration of Justice Department. (2013) *Otchet o srokakh lisheniya svobody i razmerakh shtrafov (prilozhenie k otchetu formy № 10.3) za 12 mesyatsev 2013 g.* [Report on terms of deprivation and amounts of fines (Appendix to the report form № 10.3) for 2013]. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2362>. (Accessed: 3d February 2015).
8. The Archive of Omsk Regional Court. Criminal Case 2 (26–2012). (In Russian).
9. The Archive of Omsk Regional Court. Criminal case 2 (58–2012). (In Russian).

10. The Russian Federation. Government edict. 1772-p (14th November 2010). *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 2010. 43. Art. 5544. (In Russian).
11. Kulikov, V. (2010) Naruchniki po konkursu [Handcuffs on a competition]. *Rossiyskaya gazeta*. [Online] April 16th.
12. *Ria novosti*. (2012) FSIN: elektronnye braslety dlya osuzhdennykh primenyayutsya v 60 regionakh. [The Federal Penitentiary Service: electronic bracelets for prisoners are used in 60 regions]. [Online] Available from: <http://ria.ru/society/20120209/561170230.html>. (Accessed: 3d February 2015).
13. Maetnaya, E. & Petelin, G. (2014) FSIN menyaet model' elektronnykh brasletov posle zhalob Vasil'evoy [The Federal Penitentiary Service changes the model of electronic bracelets after complaints of Vasilieva]. *Izvestiya*. April 25th [Online] Available from: <http://newsland.com/news/detail/id/1405610/>. (Accessed: 3d February 2015)
14. *Kontseptsiya ugolovno-pravovoy politiki Rossiyskoy Federatsii* [The concept of the criminal law policy of the Russian Federation] [Online] Available from: <http://www.oprf.ru/discussions/newsitem/17889> (Accessed: 3d February 2015).